

Границы достоверности мифологического рассказа: *делал — видел — слышал — был*

© В.А. ЧЕРВАНЁВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются различные типы текстов устной мифологической прозы в зависимости от функции рассказчика в тексте и его отношения к источнику сообщения. Полученная в результате такого анализа типология текстов обнаруживает связь с категорией достоверности.

Ключевые слова: фольклор, мифологический текст, жанр текста, рассказчик.

The article discusses the various types of oral mythological narratives depending on the function of the narrator in the text and his relationship to the message source. Typology of texts, which is obtained as a result of this analysis is related to the category of reliability.

Key words: folklore, mythological text, genre of text, narrator.

Мифологические рассказы – распространенные в устной традиции тексты о контактах человека с миром сверхъестественного (о столкновении человека с «нечистой силой», колдовстве, сглазе, порче и т.п.) – издавна привлекают внимание исследователей прежде всего как источник информации о верованиях, представлениях о мироустройстве и связанных с этим обычаях носителей народной культуры. Действительно, эти тексты являются наиболее ярким воплощением фольклора в этимологическом смысле этого термина – «народной мудрости», что связано с такими характерными их особенностями, как мистическое содержание в сочетании с установкой на достоверность.

Категория достоверности в логике и лингвистике тесно связывается с понятием источника информации [1], поэтому неслучайно принятое в фольклористике основное жанровое деление мифологических рассказов производится в связи с этим критерием. Это, идущее еще от К. фон Зюдова [2], разграничение текстов на мемораты (нарративы о личном опыте рассказчика) и фабулаты (услышанные от кого-либо и пересказанные истории о мистическом опыте других лиц) приобрело общепринятый характер в отечественных исследованиях мифологической прозы, а начиная с 60-х годов XX века благодаря работам Э.В. Померанцевой за этими двумя типами текстов закрепились термины «быличка» и «бывальщина» [3].

Однако пристальное рассмотрение конкретных записей мифологических рассказов свидетельствует о том, что эта классификация далеко не универсальна – есть тексты, которые невозможно однозначно отнести к определенному типу. Приведем пример:

«Был у нас мужик, все книгу читал про черную магию. И захотелось ему поговорить с ими. Так его черти потащили скрозь потолок, до того дочитался. Так под ним до утра воскресную молитву читали, чтоб не утащили» [4. № 271].

С одной стороны, очевидно, что мистическое событие («черти потащили») произошло не с рассказчиком, однако в тексте отсутствуют указания на то, что история была услышана от кого-то. Событие описывается как происходящее в зоне восприятия повествователя, однако его присутствие в ситуации текста не выражается вербально.

Применение лингвистического инструментария к изучению текстов мифологической прозы может уточнить имеющуюся в науке типологию.

Так, в исследованиях разговорной речи, рассматривающих разговорный монолог как речевую единицу, выделяются различные жанры устного рассказа в зависимости от позиции говорящего по отношению к событийному содержанию нарратива. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, описывая рассказ как один из ведущих жанров фатического общения, указали на существование двух типов текстов в соответствии с данным критерием – рассказ «о своем» и рассказ «о чужом»

[5]. И.Н. Борисова, опираясь на эту классификацию, выделила три модуля текстов – типов представления субъективного, авторского начала в тексте, которые задают соответствующие формы повествования, и, соответственно, три статуса рассказчика по отношению к событийному содержанию нарратива:

– «участник» (модус «я делал»), который получает реализацию в рассказе «о своем» [Там же];

– «свидетель» («модус «я видел») – в рассказе «о чужом» [Там же];

– «слушатель / читатель» (модус «я слышал» или «я читал»), актуальный для нарратива-пересказа (репродуктива) [6].

Перечисленные модули текста наблюдаются и в устных мифологических рассказах.

Модус «я делал». В текстах такого типа рассказчик сам является действующим лицом и рассказывает о личном опыте столкновения с мифологическим персонажем или явлением. При этом характер его участия в событии текста может быть различным. Он может сам выступать инициатором контакта с потусторонним существом – вызывать духа-хозяина, задавать ему вопросы. Назовем такого повествователя *актором*. Например: «Корова у меня была, заболела, и я загадывалась, говорила: «Хозяйнушко-батюшко, хозяйнушка-матушка, скажите мне, поправится ли, нет ли корова?» И я дою, и показалось голова така с бородой и говорит: «Отошло». И поправилась корова-то» (№ 28).

Однако чаще всего рассказчик, повествующий о собственном мистическом опыте, является жертвой воздействия мифологического персонажа, и такое столкновение, как правило, неожиданно и непредвиденно для человека.

Этот персонаж – *реципиент* (в широком смысле слова – человек, который воспринимает некоторое мифологическое сообщение), а рассказ с таким повествователем – классическая быличка: «Сестра моя умерла, два дня до сорокового дня оставалось. Иду я часов десять домой, а у нас большой тополь растет, гляжу, а она на том тополе, как была одета, когда хоронили, волосы распущены, руки расставлены, и летела. На сороковой день покойники должны прилететь, вот она и летела» (№ 13).

Модус «я видел». В текстах данного типа рассказчик является *наблюдателем* – он присутствует в ситуации текста, но не вступает в контакт с мифологическим персонажем. Рассказчик в данном случае является персонажем второстепенного действия – он член семьи реципиента (человек, который воспринимает некоторое мифологическое сообщение) и потому имеет возможность наблюдать все происходящее со своим близким со стороны: «У нас-от брат был, старше меня. А ране теплили риги, хлеб сушили. Тяте не захотелось ночью ити, он и говорит: “Его-рушка, сходи в овин, положи дров”. А овин был за деревней. А в деревне была только помершая старуха. Брат пошел в ригу, в яму накласть

дров. Он влез, а бабка померлая сидит у печки в голубом платье. Это ее мертвая одежда, ее в ней хоронили. Сидит там, где камнем проложены стены. Брат потом говорил: “Я так и умлел! Не знаю, как и выскочил”. Выскочил, домой прибежал, дома говорит: “Боле не пойду туда ночью”. Тогда тятя сам пошел, с парнишками, побоялся один.

Потом этого брата зарезали. А мама все по нем редела. Раз утром мама говорит: “Садитесь завтракать, а я пойду теленка поить”. Мы только сели за стол, глядим, мама бежит с ревом домой. Тятенька выскочил: “Что такое?” А она и говорит: “Пойдем, там Егорушка стоит, у песту, во хлеве, в бурдовой фланелевой толстовке, в хлеве у яслей”. Прибежали, а его-то и нету. А мама и жалеет: “Дура-то я! Мне бы подойти, погладить, поговорить”. А старухи ей говорят: “Ты бы не его погладила, а ясли”. Он днем показавши, утром» (№ 10).

Модус «я слышал» К этому типу отнесем тексты с нарратором-*пересказчиком*, который повествует о мистическом опыте других людей с чужих слов, причем источником информации может выступать как конкретное лицо (см. текст № 125), так и обобщенный субъект – чаще всего он получает выражение в неопределенно-личных предложениях с глаголами речи в функции предикатов (см. текст № 30):

«Женщина рассказывала, что видела, как леший по деревне прошел. Он выше домов, а за ним ветер по деревне идет. Эта женщина ночью воду черпала. А ночью воду нельзя брать, ночью вода спит» (№ 125. Курсив здесь и далее наш. — В.Ч.); «Говорили, что вот родился у женщины сын и было ему три месяца. Вот ночью уже, она спит, и вдруг кто-то в окно ей: тук-тук. Ну, она встала, открыла окошко и вдруг видит, что женщина така в белом платье и платке и просит, дай мне, мол, водичу. Ну, дала она ей напиться, ну и говорит ей покойница-то: “Отдай мне твое сына”. А эта-то, мать-то, говорит: “Нет, не отдам”. Ну, покойница-то ей и скажи, что через восемнадцать лет он сам к нам придет. И точно, вот ему восемнадцать лет исполнилось, ну, он и умер» (№ 30).

Кроме этих, описанных также и в лингвистике разговорной речи, типов организации текстов, можно отметить еще один модус, актуальный для мифологического нарратива, — «я рядом». Он получает реализацию в тех текстах, в которых рассказчик позиционирует себя как *соприсутствующего* в описываемой ситуации, однако, в отличие от *наблюдателя*, не участвующего в ходе действия. В таких текстах отмечается пространственная смежность рассказчика с происходящим, локализация события в пределах пребывания говорящего, но не указывается, каким образом тот узнал о событии — услышал от других или увидел сам. Такой способ моделирования рассказчиком своего места в изображаемой ситуации чаще всего осуществляется путем использования устойчивого выражения «у нас», выполняющего функцию локализатора:

«Мальчик у нас был потерявши. Это правда было. Раньше мальчиков посылали за лошадям. Он поленился, а мать разозлилась да и сказала ему: «Будь ты проклят!» Мальчик испугался, взял мешком накрылся и убежал. И не найти его нигде, искали всей деревней, служат во всех церквах, а его нет как нет. А дорога через лес у нас шла; как едут на возке, так лес зашумит, приклонится, мальчик выбежит из лесу, мешком накрывши, и попросится на возок, его посадят, а он просит: «Накиньте на меня крестик, плохо мне, меня мучают». А лес зашумит, и все равно черти выхватят. Он было уж мхом оброс и все мешком укрывши. Девять лет ходил» (№ 57).

Таким образом, в применении к мифологическим нарративам система коммуникативных модусов предполагает наличие еще одной позиции – соприсутствия рассказчика (модус локальной смежности «я был рядом») без уточнения, как поступило сообщение. Добавим, что семантика «соприсутствия» рассказчика в месте действия, актуальная для данного типа нарративов, может также служить выражению идеи достоверности сообщения, когда говорящий при этом снимает с себя персональную ответственность за содержание текста, однако в меньшей степени, чем это наблюдается при изложении в форме фабулата – пересказа с чужих слов.

Именно пример такого типа представлен нами в начале статьи как не вписывающийся в противопоставление «меморат / фабулат». Тем не менее такие примеры оказываются вполне системны, если применить другой критерий классификации – отношение говорящего к источнику сообщения и субъекту описываемого действия в предлагаемой таблице.

Данная таблица демонстрирует характер реализации категории достоверности в текстах мифологической прозы. Наблюдается убывание степени достоверности сообщаемого в зависимости от места рассказчика по отношению к субъекту основного действия (*актору и реципиенту*) – от полного их совпадения в текстах модуса «я делал» и далее по

Соотношение коммуникативных модусов текстов и функций рассказчика в мифологическом тексте

Функция рассказчика в тексте	Коммуникативный модус текста
Актор	Я делал (действовал)
Реципиент	Я делал (испытывал воздействие)
Наблюдатель	Я видел
Соприисутствующий	Я был рядом
Пересказчик	Я слышал

мере удаления от коммуникативного центра: присутствие в ситуации и участие в ней в качестве субъекта второстепенного действия (модус «я видел»), сопричастие без участия (модус «я был рядом»), отсутствие в ситуации (модус «я слышал»).

Таким образом, мифологический рассказ (прежде всего форма мемуара — личного воспоминания рассказчика о событии) оказывается неоднородным и весьма разнообразным по характеру представления семантики достоверности.

Литература

1. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990; Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992; Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995; *Падучева Е.В.* Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 02.03.2017).
2. *Sydow Carl Wilhelm von.* Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Carl Wilhelm von Sydow. Selected Papers on Folklore. Copenhagen, 1948. Pp. 60–88.
3. *Померанцева Э.В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов. Москва, 1968. с. 279; *Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М., 1985. С. 175.
4. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996. Далее в круглых скобках указ. только номер текста.
5. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. С. 47–49.
6. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009. С. 214.

Воронежский государственный педагогический университет